

Распределение должностей регламентируется в «Поучительных главах» отношением императора к дарам. Отношение к дарам само по себе — тема не новая. Правда, у Агапита она не связывается с назначением архонтов на должность и трактуется исключительно в смысле императорских благодеяний и благотворительности: «Возлюби... больше тех, кто просит о благодеянии, чем тех, кто преподносит тебе дары»¹⁹. Эта концепция сохраняла силу и в VII — начале IX в. (мы имеем в виду речи императоров у Симокатты и Феофана, в «Повести о Варлааме и Иоасафе») ²⁰. Иначе у Василия: «Чинами награждай безвозмездно и не продавай за дары почестей; получивший власть заслуженно принесет больше пользы подданным; если хочешь изгнать из государства взяточничество, веряй власть тем, кто... не ищет этого дарами, ведь давший тебе что-то за власть будет стремиться извлечь из нее выгоду... а достигший власти бесплатно не будет обвинен во взяточничестве; тот же, кто обрел власть за плату, никогда не научится делать что-либо без даров» (XLIV A—B).

Также и второй разряд социальной верхушки (категория императорских друзей) рассматривается Василием обстоятельнее и в ином свете, нежели Агапитом. Если Агапит ограничивается скорее этическим идеалом дружбы ²¹, то Василий выделяет друзей императора как некую социальную группу, на которую император должен опираться в своей деятельности. «Поучительные главы» настоятельно рекомендуют василевсу общение с «врачевателями душ», от которых можно узнать, чему прилежать, а от чего — воздерживаться, с какими людьми надо искать встречи, а каких — избегать (XXV A). Впрочем, эти «врачеватели душ» не названы Василием прямо друзьями. Собственно друзьям и дружбе посвящены четыре главы: гл. 12. «О верных друзьях», гл. 23. «О друзьях», гл. 26. «О приобретении [друзей]», гл. 35. «Об [отношении] к друзьям». Первое, что принципиально отличает трактовку темы дружбы Василием от Агапита, — это ее толкование в рамках антиязы «друзья — родственники» (а не «друзья — враги», как у Агапита). «Радуйся радеющим о тебе друзьям, как истинным, больше, чем родственникам»; дружба по родству от природы, а не от добродетели, тогда как любовь друзей — от добродетели и по свободной воле; закон первой — природа, второй — бог; родственники нередко из-за мелочей злоумышляют против родственников, истинные же друзья, презрев весь мир, не предпочтут любви друзей даже саму жизнь (XXVIII A—B).

Принципиальным, на наш взгляд, отличием является и внедрение в тематику жанра не прослеживаемой ранее категории императорских родственников ²², пусть они даже и уступают у Василия императорским

пита. Дурных людей должно изгонять из государства и не верить им власти, иначе покажется, что ты подобен им, а свершенное ими зло будет приписано императору; в архонты надо избирать добродетельных, дабы их добрая слава стала украшением тебе и их добрые дела приписывались тебе, поскольку похвала народа превыше стяжания многих богатств (XXXVI B—C).

¹⁹ *Agapetus. Expositio...*, 1180 A; ср.: 1165 D, 1169 D, 1176 B—C, 1177 B, 1181 C.

²⁰ *Чичуров И. С.* Указ. соч., с. 66, 73—74.

²¹ Истинным другом следует считать того, кто стремится все делать по справедливости, вместе с тобой радуется успеху и огорчается неудачам, а не тех, кто восхваляет каждое твоё слово. Лишь первые свидетельствуют об истинной дружбе (*Agapetus. Expositio...*, 1173 C). Одинаково вредно гневаться на злодеяния врагов и поддаваться лести друзей; надлежит мужественно противостоять и тому и другому (*Ibid.*, 1173 C). Суд императора должен быть нелицеприятен и одинаков в отношении как друзей, так и врагов; одинаково неразумно оправдывать несправедливого, если он друг, и осуждать справедливого, если он враг (*Ibid.*, 1176 D). Как видим, тема дружбы трактуется у Агапита лишь в рамках равно справедливого отношения императора к своим сторонникам и противникам. В VI — начале IX в. категория «императорских друзей», насколько нам известно по сохранившимся «княжеским зеркалам», вообще не прослеживается. См.: *Чичуров И. С.* Указ. соч., с. 66—68, 73—75, 79.

²² С категорией императорских родственников, разумеется, связана и тема благородства происхождения, затронутая в одном из параграфов «Поучительных глав» (LII A—B), хотя Василий и не убежден в безусловной ценности благородного происхождения, подобно тому как он скептически относится к родственникам. Естественно вспомнить в данной связи, что Василий I был безродным основателем новой династии. Вместе с тем пренебрежение родственниками и знатностью свидетельств-